

Антон Котенко

Sebastian Conrad. What Is Global History? Princeton, NJ: Princeton University Press, 2016. 299 pp. ISBN 978-0-6911-5525-8.

Kris Manjapra. Age of Entanglement: German and Indian Intellectuals across Empire. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2014. 442 pp. ISBN 978-0-6747-2514-0.

Jürgen Osterhammel. The Transformation of the World: A Global History of the Nineteenth Century. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2014. 1167 pp. ISBN 978-0-6911-4745-1.

Антон Котенко – доцент департамента истории НИУ ВШЭ. Адрес для переписки: Санкт-Петербургская школа социальных и гуманитарных наук НИУ ВШЭ, ул. Промышленная, 17, каб. 116, Санкт-Петербург, 198099, Россия. akotenko@hse.ru.

Рецензия подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2018 году.

«Глобальная история» стала одним из ключевых словосочетаний историографии последних лет. Глобальную историю обсуждают на конференциях, в статьях и книгах, а также преподают студентам на специализированных магистерских программах. Причина такого интереса кроется во все большей взаимозависимости нашего мира «Алиэкспресса» и «Нетфликса», летних туров английских футбольных клубов по Китаю и очередей за последней моделью американских телефонов в московском ЦУМе. По словам Себастиана Конрада, автора одной из рецензируемых книг, осмыслению современной взаимосвязанности и космополитичности и должна способствовать глобальная история (Semyonov 2017). Вынесенная на обложку другой обсуждаемой здесь книги цитата из рецензии на нее в *New York Review of Books* и вовсе безапелляционно утверждает: «Обязательна для прочтения всеми гражданами мира» (Stern 2015).

Именно с необходимостью изучить исторические предпосылки все более тесной взаимозависимости явлений современного мира связывали в 2006 году появление этого направления редакторы *Journal of Global History* (Clarence-Smith, Pomaranz, and Vries 2006). При этом глобальная история не утрачивает своей актуальности даже ввиду роста нынешних антиглобализационных настроений, ведь, как подчеркивают в последнем номере того же журнала Ричард Дрейтон и Дэвид Мотадель, антиглобализация является результатом глобализации и, как правило, направлена на то, чтобы восстановить место того или иного государства в мире, а не на уединение в обособленной автаркии (Drayton and Motadel 2018).

Еще в первом номере *Journal of Global History* Патрик О'Брайан (O'Brien 2006) указал на то, что двумя основными методами написания глобальной истории являются сравнительный и связующий подходы: первый помогает понять особенности

некоторого явления с помощью сравнения его с похожими явлениями; второй указывает на возникновение некоторого явления в результате глобальных связей. Ввиду этого закономерно могут возникнуть сомнения в том, что отличает глобальную историю от уже известных нам сравнительной или транснациональной историй? Является ли глобальная история теорией, методом или отдельным направлением истории? Ответить на этот вопрос могут помочь работы, ставшие предметом этой рецензии.

Книга профессора Свободного университета Берлина Себастиана Конрада «Что такое глобальная история?» безусловно является отличным введением к этому, по словам автора, ревизионистскому направлению в историографии. Пытаясь преодолеть нацио- и евроцентризм традиционной истории, новый взгляд на прошлое с глобальной точки зрения, по Конраду, прежде всего стремится объяснить его не «изнутри» отдельных национальных образований, но поставив его в более широкий контекст. Таким образом, глобальная история предстает «видом исторического анализа, когда феномены, события и процессы рассматриваются в глобальном контексте» (с. 5). Конечно, история выходила за пределы отдельных государственных границ еще со времен Геродота или Ибн Хальдуна. Тем не менее, если раньше историки обращали свое внимание на окружающий мир с целью подчеркнуть уникальность их ойкумен или цивилизаций, сегодня такие центризмы прошлого преодолеваются новыми всемирными историями с помощью акцента на взаимосвязанности историй разных частей света (с. 24–31).

Прекрасным примером современной всемирной истории является книга Юргена Остерхаммеля о глобальной истории XIX века. Вышедшая уже на немецком, английском и китайском языках, эта работа заставляет только восхищаться эрудицией автора, представившего динамическую панораму Нового времени, длившегося по-разному для разных рассматриваемых им процессов и территорий, но только не в узких календарных рамках с 1800 по 1900 год (XIX век для автора – это период от 1780-х до 1920-х годов). Остерхаммель разворачивает перед читателям синтетическую картину века, вместе с тем предлагая и несколько аналитических глав в третьей части книги. Эта часть работы сфокусирована в большей степени на отдельных аспектах истории времени, окончательно ушедшего от нас в 2006 году вместе с галапагосской черепахой Гарриет, прожившей около двух с половиной столетий и, возможно, помнившей Чарльза Дарвина. В результате получилась увлекательная история библиотек и оперных театров, всемирных выставок и энциклопедий, романов и карт, Мока Дика (прототипа мелвилловского Моби Дика) и одного из первых японцев в США – Накахамы Манджио; Абдулхамиды II, обсуждающего со своей дочерью фотографии возможных женихов, и задержанного в 1836 году в десятидневном карантине на османско-австрийской границе молодого военного советника султана Гельмута фон Мольтке. При этом невероятный кругозор автора позволяет ему сравнивать японские музеи с венгерскими, голод в Иране 1869–1872 годов с голодом в Российской империи в 1891–1892 годах, а эмиграцию из Ирландии – не только с Италией, но и с южным Китаем.

Ключевым словом книги Остерхаммеля является слово «империя». Если бы эта работа задумывалась как исчерпывающее изложение истории XIX века, кажется, именно восьмая глава об «имперских системах» должна была открывать вторую ее часть. Империи в книге присутствуют постоянно, что неудивительно, ведь XIX век, в отличие от второй половины XX века, был временем именно имперских, а не национальных государств. Следовательно, автор пишет о новых имперских армиях и межгосударственных отношениях, свободных от династической логики; о «драке» за Африку, которая в 1895–1905 годах продолжилась мини-дракой за Китай, и о «холодной войне» между Российской и Британской империями в Азии; о колониализме и империализме, подчеркивая в конце концов невозможность представить четкую типологию империй Нового времени. Отчасти в духе Эрика Хобсбаума Остерхаммель уделяет значительное внимание и революциям. Впрочем, в отличие от Хобсбаума, он обращает внимание именно на множественное их число (революции), рассматривая и их в общемировом контексте. Так, например, он предлагает обязательно изучать атлантические революции рубежа XVIII–XIX веков вместе. При этом, ссылаясь на Чарльза Тилли, автор все же считает европейский XIX век не революционным, а скорее бунтарским. Согласно статистике Тилли, в 1792–1841 годах случилось 98 «революционных ситуаций», а в 1842–1891 годах – 49 (с. 517). Настоящий же второй век революций, по Остерхаммелю, имел место только в 1917–1923 годах с революциями в России, Германии, Ирландии, Египте, Испании, Корее и Китае, не считая образования новых государств в Европе и на Ближнем Востоке.

Главной особенностью рассматриваемой работы кажется ее акцент на мобильности и передвижениях. Автор рассказывает о самой разной мобильности: о первом османском султানে, посетившем Западную Европу во второй половине века, миграции бактерий и глобальном распространении кампаний по борьбе с ними, об открытии универмагов от Парижа в 1850-х годах до Токио в 1908 году, о трудовых и политических мигрантах (последние именно в XIX веке впервые активно вели политическую деятельность из-за границы), железных дорогах и пешеходах (кажется, вполне в духе книги было бы добавить несколько слов об изменении ширины тротуаров). При этом важно, что пространством этих перемещений в книге Остерхаммеля являются не только континенты, но и океаны. XIX столетие – эпоха угля и золотой век прессы, заграничных корреспондентов и новостных агентств, первой пленочной камеры и фотографии, портов и сбрасывающих с себя стены городов, а вместе с тем и расизма с антисемитизмом – приобретает у Остерхаммеля «глобальный» характер именно потому, что автор рассматривает все интересующие его процессы в мировом контексте, сравнивает их и пытается установить сходства и различия¹.

¹ Разумеется, в книге объемом в тысячу страниц мелким шрифтом трудно помешать некоторым буквам и цифрам поменяться местами. Замечательно, что при этом в «Преображении мира» нашлось всего несколько ошибок и опечаток, некоторые из них перекочевали в нее из других работ, использованных автором. Так, Эдвин Лаченс (Lutyens) стал Лайченсом (Luytens) (с. 316, 319), Иван Крузенштерн – «Крузенштреном» (с. 821), а «корнаментализм» Дэвида Кеннадайна несколько раз превратился в более знакомый компьютеру «ориентализм» (с. 974). Союз ирокезских племен с 1722 г. состоял из шести, а не из пяти племен (с. 181).

Закономерно, что в Германии, где эта книга вышла впервые, она заинтересовала не только историков, но и более широкий круг читателей. С одной стороны, автор предложил характеристику общих закономерностей и тенденций XIX века, а с другой – наполнил работу тысячей любопытных деталей, пригодных для игры в «Что? Где? Когда?». Например, здесь можно узнать о том, какая часть мира была в это время самой населенной, почему изображение рикш в исторических фильмах о периоде до 1870 года является анахронизмом или о том, по какой причине лорд Пальмерстон отказался принимать участие в открытии лондонского метро в 1863 году; здесь же приведены сведения о том, какая страна мира в XIX веке имела наибольший процент мигрантов среди населения (и это не США!) или о том, где открылась первая современная больница. Две главы этой книги (о времени и пространстве соответственно) уже давно доступны на русском языке (Остерхаммель 2011). Хочется надеяться, что русское издание полного текста, в отличие от рецензируемой английской версии, выйдет все же с мыслями о читателях: с более крупным шрифтом и, возможно, в двух, а еще лучше, как в китайском издании – в трех томах.

Тем не менее, несмотря на слово «глобальность» в подзаголовке, прекрасная книга Остерхаммеля о всемирной истории XIX века кажется примером именно всемирной истории нового типа с акцентом на мобильности и перемещениях, сравнениях и трансферах, сетях и связях. Другим замечательным примером подобной работы о глобальных связях и сравнениях является книга Кристофера Бэйли (Bauly 2004). Глобальная история, о которой пишет Себастиан Конрад, – другая. В чем состоят ее главные особенности?

Конрад настаивает на том, что глобальная история – не только процесс, но и методология исследования, перспектива, видение прошлого. Например, историю атлантического рабства (глобального процесса) можно рассматривать с точки зрения гендерной истории (с акцентом, например, на сексуальности или маскулинности), по-другому ее можно изучать в перспективе социальной истории (исследуя, например, условия содержания или труда рабов), и третьим способом – с помощью глобальной истории (подчеркивая влияние работорговли на общества Западной Африки и сравнивая ее с торговлей рабами через Сахару или Индийский океан) (с. 11). Таким образом, глобальная история в представлении Конрада отличается от других схожих подходов в нескольких важных моментах.

Во-первых, по Конраду, целью глобальной истории является понимание причин тех или иных исторических вопросов с помощью поиска их на глобальном уровне (с. 64). Оказывается, что, например, «общий кризис» XVII века был вызван среди прочего глобальными изменениями климата (Parker 2013), а к Французской революции привели не только внутренние причины, но и вовлеченность Франции в глобальные экономические связи, передача государством монополии на торговлю товарами из колоний частной компании и запрет на ввоз импортного текстиля; следствием этого стала масштабная контрабанда индийского ситца и вирджинского табака и, соответственно, падение авторитета государственной власти (Kwass 2013).

Во-вторых, эта глобальная история не является синонимом истории глобализации или истории всей планеты, подразумевающих проведение макроаналитических изысканий. Ей совершенно необязательно происходить во всем мире, ведь главным для Конрада прежде всего является выход за стесняющие рамки национальной истории. Потому для написания такой глобальной истории достаточно поместить исследуемую проблему и наиболее не-глобальные места в максимально широкий, глобальный контекст, уделяя внимание альтернативным национальному государству пространствам, как, например, морям и океанам. В то же время авторы таких историй могут следовать за объектами своих исследований – и за отдельными товарами вроде кофе или гуано, и за людьми, как в случае с известной работой Натали-Земон Дэвис (Davis 2006) (с. 115–140). Таким образом, для занятий этой историей необязательно ждать целую вечность, уметь пользоваться телескопом и прочесть все книги обо всем произошедшем на всех континентах от Большого взрыва до сегодняшнего дня. Нет, по убеждению Конрада, такой глобальной историей можно заниматься даже во время подготовки кандидатских диссертаций, в том числе и при помощи микроанализа (с. 141–161).

В-третьих, несмотря на то, что этот подход более уместен для Нового времени, его можно использовать и для более ранних исторических периодов. С точки зрения глобальной истории, не нужно удивляться, например, утверждению Эдварда Гиббона о том, что в 1238 году жители Швеции и Фрисландии так испугались татар, что перестали отправлять свои суда для ловли сельди у берегов Англии, что привело к повышению предложения и снижению цен на рыбу на местном рынке (с. 111; Гиббон 2008:186). Еще одним примером применения такого подхода для Средних веков является история о резком повышении цены на перец во Фландрии и Англии около 1410 года, которое останется непонятным вне контекста известных плаваний Чжэн Хэ. В их результате большое количество перца стало импортироваться из Индии в Китай, что снизило объем его экспорта в Европу, соответственно, повысив цены на доступный товар (O'Rourke 2016).

Исходя из цели обнаружить взаимообусловленность произошедших практически синхронно событий, такой подход подразумевает проведение скорее синхронического, а не диахронического анализа. Так как произойти одновременно с чем-то не значит произойти вследствие чего-то или по схожей причине, примером глобальной истории, о которой пишет Конрад, будет не множество книг, которые рассказывают о событиях, произошедших в каком-то отдельном году (1492, 1848 или 1945), как, например, переведенная недавно на русский работа Флориана Иллиеса (2014). Нет, примером его глобальной истории будет скорее книга Эреца Манелы об антиколониальных восстаниях 1919 года в Египте, Индии, Китае и Корее, которые, по мнению автора, невозможно понять, не покинув рамки отдельных египетской, индийской, китайской и корейской историй и не расположив их в более широком контексте преобразования международного порядка после окончания Первой мировой войны (с. 153–155; Manela 2007).

И в книге, и в публичных выступлениях Конрад иллюстрирует свои тезисы историей о европейских часах в Японии. Впервые часы попали туда в XVII веке, но были подстроены под местное времяисчисление и использовались в основном в

декоративных целях. После приобщения Японии к западной культуре и введения там во второй половине XIX века григорианского календаря европейские часы превращаются в символ цивилизации и начинают использоваться по прямому своему назначению. Рассматривая этот и другие подобные примеры, Конрад утверждает, что глобальная история интересуется не столько Кристианом Гюйгенсом (или, например, Карлом Марксом), сколько вопросом о том, что сделало возможным глобальное распространение и последующую локализацию их изобретений (или идей). Таким образом, глобальная история Конрада подразумевает особое внимание не только сравнениям (*comparisons*) и связям (*connections*), но и причинам (*causality*) того или иного явления в глобальном масштабе (с. 72).

Как подчеркивает сам Конрад, у такого подхода есть свои опасности и недостатки. Наиболее опасным в поисках причин тех или иных событий на глобальном уровне кажется возможность нивелирования значения их внутренних причин. В таком случае, как известно из споров немецких интеллектуалов 1980-х годов, это может привести к уменьшению субъектности отдельных исторических личностей и, например, к релятивизации вины и ответственности за их поступки. И хотя Конрад обращает наше внимание на то, что каждый масштаб исследования несет свою идеологию (с. 157), он также напоминает, что не только глобальные структуры влияют на людей, но и сами находятся под влиянием последних, а обстоятельства человеческой жизни не являются самым важным фактором, определяющим наши действия (с. 160–161).

Еще одним проблемным местом глобальной истории является ее первоочередное внимание к «глобализированным» (преимущественно, элитным) акторам истории. Вследствие этого из нее могут исчезнуть миллионы «тутейших» крестьян, а символом Нового времени будут считаться волнующие путешествия Филеаса Фогга, а не перемещения миллионов людей во время и после Первой мировой войны (с. 230).

Наконец, последним чрезвычайно важным замечанием в работе Конрада представляется тезис о том, что глобальная история ни в коем случае не должна восприниматься как новая догма. Многие темы и вопросы абсолютно ничего не выиграют, покинув локальный уровень, а потому вряд ли стоит рассматривать историю швейцарской деревни в одной рамке с находящейся на расстоянии нескольких часов от нее Генуей (с. 134–135). «Не все исследовательские проекты нуждаются в такой перспективе» (с. 14–16), как и не все в этом мире связано между собой.

Хорошим примером такой связанности, а потому и глобальной истории в стиле Конрада, можно считать последнюю книгу этой рецензии, работу профессора университета Тафтса Криса Манджапры о взаимодействии немецких и индийских интеллектуалов в период от 1880-х годов до середины XX века. Это история о том, как в конце XIX века, пытаясь подорвать гегемонию Британской империи и окружающего их англоцентричного мира, немецкие и индийские интеллектуалы стали союзниками для достижения общих целей и политического признания на мировой сцене. При этом автора интересуют не столько сходства и различия между ними, сколько переплетение немецкой и индийской историй

сначала в конце XIX века, а потом и между мировыми войнами вплоть до их расхождения после 1945 года. По мнению Манджапры, именно глобальное взаимодействие и взаимовлияние интеллектуалов начиная со второй половины XIX века привело к кризису западных идей о Просвещении, модерности и переходу к так называемому пост-Просвещению и обратному заколдовыванию мира (с. 10–11).

Согласно автору, взаимодействие индийских и немецких интеллектуалов началось с восхищения индийцев немцами в 1880-х годах, когда большое количество последних поступило на службу Британской империи и приехало в Индию в качестве ученых-ориенталистов и исследователей местных языков: географы и геологи, археологи и лесники, восстанавливающие леса Индии, – все они таким образом вносили свой вклад в существование Британской империи. Именно об одном из них писал Киплинг: «Громадный немец, главный начальник всех лесов Индии от Бирмы до Бомбея, имел привычку появляться, подобно летучей мыши, без всякого предупреждения, то в одном месте, то в другом, и именно в такое время, когда его там меньше всего ждали» (Киплинг 2007:402).

Но с 1890-х годов немцы начали больше интересоваться собственной империей и ее «мировой политикой», направленной против Британии, что, с одной стороны, привело к завершению «европейского сотрудничества» немцев и британцев в Индии, а с другой – к началу сотрудничества между индийскими и немецкими националистами, объединенными общей целью. Так, многие участники движения свадеши после 1910 года уехали именно в Германию, представляя ее в своих изданиях накануне Первой мировой войны главным геополитическим соперником Британии, а потому – союзником Индии в борьбе за освобождение от британцев; деятельность некоторых из них оплачивало немецкое министерство иностранных дел (с. 47). В то же время и до, и после войны многие индийцы (физики, экономисты и философы) учились в немецких университетах, в 1920-х годах индийская диаспора Берлина составляла около 400–500 человек, тур Рабиндраната Тагора по Германии в 1921 году вызвал необычайный интерес публики, и именно Германия оставалась главным рынком для сбыта его книг. Интересно, что при этом зачастую языком общения индийских и немецких интеллектуалов оставался английский. Именно на английском, например, Гириндрасекар Бозе, молодой врач из Калькутты, основавший в 1921 году Индийское психоаналитическое общество, обсуждал в 1920-х годах психоанализ в переписке с Зигмундом Фрейдом.

В то же время немецких профессоров приглашали на работу в Калькутту, а в Германии рос интерес к Индии, ее культурам и религиям, в которых немцы искали озарение и мудрость (см. изданный в 1922 году роман Германа Гессе «Сиддхартха»). Немецкие ученые же, особенно после Первой мировой войны, начинают интересоваться индийской культурой и изучать мифы об ариях с целью представить немцев потомками их древнейшей культуры, подчеркнув свое превосходство над большинством европейцев.

Даже дочитав эту книгу, я так и не понял, почему автор объединяет вместе всех немецкоязычных интеллектуалов независимо от их германского, австрийского, швейцарского или даже чешского происхождения так, будто бы у них действи-

тельно существовал общий проект развития, а потом разрушения Британской империи. По крайней мере, он мог бы объяснить в отдельном абзаце, что общего, кроме немецкоязычного образования, было между чехом Яном Антонином Батей, открывшим в 1931 году завод в Калькутте, австрийцем Штефаном Цвейгом, который путешествовал в Индию и Бирму в 1909 году и даже написал об этом рассказ, родившимся в Будапеште археологом Аурелем Стэйном и, например, уже упомянутым лесником из Киплинга или тем же Фрейдом.

Несмотря на это, было бы здорово увидеть более глобальное продолжение этого проекта с историями о том, сколько еще националистов второй половины XIX века со всего мира сотрудничали с немцами для подрыва не только Британской, но и, например, Российской и Османской империй. В то же время, как признает сам автор, участники движения свадеши в своей борьбе против Британской империи делали ставку не только на Германию, но и на США с Японией (с. 54). Это исследование можно продолжить и в другую, индийскую, сторону, чтобы показать переплетение истории этой страны не только с немцами, но и с американцами и японцами, сравнить эти три направления индийского движения и определить главное из них (добавив сюда также активное сотрудничество с СССР в межвоенный период). Статистика самого автора, согласно которой с 1910 по 1919 год Бенгальский национальный совет по образованию отправил 6 стипендиатов на учебу в Британию, 8 – в Германию и 19 (!) – в США (с. 54), вызвала у меня вопросы по поводу относительного веса немецко-индийского сотрудничества.

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что термин «глобальная история» все еще имеет много значений, а работающие в этой области историки по-разному определяют объект своих исследований. Возможно, в самом скором будущем кто-то из них организует конференцию, на которой они попробуют договориться о едином определении этого понятия. Пока же книга Себастиана Конрада (готовящаяся к скорому выходу в русском переводе) представляется отличным методологическим введением в это поле, работа Криса Манджапры – хорошим примером такого исследования, а *opus magnum* Юргена Остерхаммеля – прекрасной альтернативой трехтомнику Эрика Хобсбаума как для преподавателей и студентов, так и для всех, заинтересованных в истории XIX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гиббон, Эдвард. 2008. *Закат и падение Римской империи*. Т. 7. М.: Терра – Книжный клуб.
- Иллиес, Флориан. 2014. *1913: лето целого века*. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Киплинг, Редьярд. 2007. «В лесах Индии». *Собрание сочинений в шести томах*. Т. 6. М.: Терра – Книжный клуб.
- Остерхаммель, Юрген. 2011. «Трансформация мира: история XIX века. Главы из книги». *Ab Imperio* 3:21–140.
- Bayly, Christopher Alan. 2004. *The Birth of the Modern World, 1780–1914: Global Connections and Comparisons*. Malden, MA: Blackwell.
- Clarence-Smith, William Gervase, Kenneth Pomeranz, and Peer Vries. 2006. “Editorial.” *Journal of Global History* 1(1):1–2.
- Davis, Natalie Zemon. 2006. *Trickster Travels: A Sixteenth-Century Muslim between Worlds*. New York: Hill and Wang.

- Drayton, Richard, and David Motadel. 2018. "Discussion: The Futures of Global History." *Journal of Global History* 13(1):1–21.
- Kwass, Michael. 2013. "The Global Underground." Pp. 15–31 in *The French Revolution in Global Perspective*, edited by Suzanne Desan, Lynn Hunt, and William Max Nelson. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Manela, Erez. 2007. *The Wilsonian Moment: Self-Determination and the International Origins of Anti-colonial Nationalism*. Oxford: Oxford University Press.
- O'Brien, Patrick. 2006. "Historiographical Traditions and Modern Imperatives for the Restoration of Global History." *Journal of Global History* 1(1):3–39.
- O'Rourke, Kevin. 2016. "The Economist and Global History." Pp. 44–62 in *The Prospect of Global History*, edited by Jamie Belich, John Darwin, Margret Frenz, and Chris Wickham. Oxford: Oxford University Press.
- Parker, Geoffrey. 2013. *Global Crisis: War, Climate Change and Catastrophe in the Seventeenth Century*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Semyonov, Alexander. 2017. "'Global History Is More than the History of Globalization': Interview with Sebastian Conrad." *Ab Imperio* 1:23–43.
- Stern, Fritz. 2015. "How We Got to Where We Are." *New York Review of Books*, May 7, p. 8.